

Рыбный рынок в Тяньнине располагался у самого берега реки, возле пристани. Рыбаки складывали утренний улов в ведра, которые ставили прямо у бортов своих лодок. Прохожие, если кому-то приглядывалась рыба, просили рыбака выловить её из ведра, схватив за хвост. Ещё трепещущую живую рыбу поднимали, затем швыряли на землю, и тут же происходил обмен: деньги в одну руку, товар в другую.

Если нужно было разделить рыбу на куски, это делалось в мгновение ока — взмах ножа, и чешуя слетала. Рыбаки были мастерами, без лишних движений.

Вообще-то Сяо Чжоухэн не хотел заходить на этот рыбный рынок. Ему доводилось иметь дело с мёртвыми телами, и он находил, что запах разложения и рыбный дух чем-то схожи. Когда этот запах настиг его, ноги словно стали ватными.

— Шу Тин, здесь много грязи, я сам подойду и спрошу, подожди меня в тени дерева, — Ли Чжуннань провёл рукой по затылку Сяо Чжоухэна, затем мягко коснулся его губ поцелуем и направился в оживлённую толпу.

Сяо Чжоухэн смотрел, как Ли Чжуннань пробирается вперёд, останавливается у рыбака и заводит беседу. Они то смеялись, то перешёптывались. Ли Чжуннань, не обращая внимания на толчею местных жителей, закатал рукава, опустил руку в ведро, полное рыбьей слизи, и начал там шарить. В этот момент в нём было меньше той сдержанности, что он проявлял в резиденции Ли или наедине с ним, и больше непринуждённости, свободы от условностей.

Только такого Ли Чжуннаня Сяо Чжоухэн мог разглядеть — того, на ком лежала печать мира бродяг, позволявшая ему даже в дорогой одежде не выглядеть чужаком.

— О чём задумался?

Сяо Чжоухэн увидел, что Ли Чжуннань возвращается, держа в руках свёрток с вяленой рыбой, завернутый в промасленную бумагу. Ли Чжуннань, боясь причинить Сяо Чжоухэну дискомфорт, остановился поодаль:

— Знаешь, почему здесь ещё и вяленую рыбу продают? Ответ очевиден: если рыба не целая и не свежая, покупать её не станут.

— Эти куски рыбы... неужели их предки плавали в пруду перед банком Таобай?

— Именно, — Ли Чжуннань уставился на сухой кусок. — По идее, мясо карпа жёсткое и сильно отдаёт тинной, его трудно есть. Но сейчас... эх, всё равно находят желающие купить. По словам того парня, эти повреждённые карпы начали появляться на рынке где-то с начала июля, два месяца назад.

— Два месяца назад, начало июля... это время... — Сяо Чжоухэн и Ли Чжуннань, кажется, одновременно вспомнили об одном событии — о трагедии, произошедшей в ночь на четырнадцатое июля.

Но никто из них не проронил ни слова.

У каждого возникли свои мысли, и наступила тишина.

Как раз когда атмосфера стала сгущаться до невыносимой, Сяо Чжоухэн резко сменил тему, не связанную с предыдущей:

— Чжуннань, тебе раньше... тоже было нелегко?

— После ухода из школы у меня не было денег, кроме как от случайной врачебной практики и подработок, — Ли Чжуннань улыбнулся, словно рассказывал о ком-то другом. — Шу Тин, тебе интересно, откуда я знаю толк в кухонных делах? С пяти лет я был один, поэтому готовить пришлось научиться.

— После того как ты покинул Врата Яньюэ, ты всё время был один?

— Был один, — Ли Чжуннань посмотрел на Сяо Чжоухэна. — Но теперь есть ты, и я больше не один.

Сердце Сяо Чжоухэна сжалось, и он тут же взял руку Ли Чжуннаня, которая только что касалась рыбы:

— В будущем я буду с тобой.

— Конечно, в будущем будем вместе, — Ли Чжуннань опустил взгляд на их сплетённые пальцы, и улыбка уже не могла скрыться в его глазах. — Что, теперь можешь выносить рыбный запах?

Сяо Чжоухэн покраснел:

— Конечно... конечно нет!

— Ладно, ладно, дай мне вымыть руки, прежде чем ты снова возьмёшь меня за руку, хорошо? Ты тоже помой, — Ли Чжуннань подвёл Сяо Чжоухэна к колодцу, отдал вяленую рыбу нищему, сидевшему на углу улицы, затем, повернувшись, взял ковш, чтобы помыть их руки. Но Сяо Чжоухэн, похоже, не собирался отпускать его руку. Он стоял, опустив голову и глядя на воду, и было непонятно, что у него на уме.

Ли Чжуннань приподнял бровь:

— Что, Шу Тин, не хочешь отпустить?

Среди людского моря, в этой огромной мирской суете, Сяо Чжоухэн продолжал держать руку Ли Чжуннаня, игнорируя удивлённые взгляды окружающих. В этот момент он был отрезан ото всего и ото всех, кроме Ли Чжуннаня.

Видя, что Сяо Чжоухэн не отвечает, Ли Чжуннань не стал настаивать и просто вылил воду им на руки, затем взял руку Сяо Чжоухэна и начал мыть её.

— На самом деле, если правильно приготовить рыбу, она не будет иметь неприятного запаха. Если добавить вино, соевый соус, приготовить на пару, затем добавить крахмал и яичный белок и обжарить в масле, получится очень вкусно. Если боишься жирности, можно нарезать рыбу на куски, замариновать и высушить. Зимой заложить в винный осадок, а летом есть — это тоже имеет свой особый вкус.

— Шу Тин, хочешь попробовать? Я приготовлю для тебя, — Ли Чжуннань слегка улыбнулся. — Если ты не переносишь рыбный запах, я умею готовить и другое. Если ничего из этого тебе не понравится, дай мне два дня, и я научусь готовить что-нибудь ещё. Если только блюдо не слишком экзотическое.

Ли Чжуннань замолчал, затем, прищурив глаза, добавил:

— А если Шу Тин действительно захочет чего-то диковинного, тогда дай мне ещё один день...

В свете заката Сяо Чжоухэн уже не слышал, что Ли Чжуннань говорил дальше.

Ещё когда Ли Чжуннань так естественно заговорил с продавцом рыбного супа, Сяо Чжоухэн хотел спросить его, что же он пережил за время отсутствия в резиденции Ли.

Его слова, сказанные мимоходом, задели Сяо Чжоухэна, и в его груди образовалась трещина, из которой выползла жалость, которую он сам не мог объяснить. Будучи сыном знатной семьи, законным старшим сыном резиденции Ли, если он так хорошо понимал мир и людей, значит, за годы странствий он пережил немало трудностей.

Когда всё это закончится, он обязательно выберет уединённое место, чтобы жить с ним вдали от людей, сохранить свой маленький мир с ним, смеяться, собирать ароматные травы, поднимать бокалы, провести вместе сто лет, плыть в одной лодке и наслаждаться огнями Поднебесной.

Так или иначе, он больше не позволит ему почувствовать эту смертельную одиночку.

Когда Сяо Чжоухэн пришёл в себя, Ли Чжуннань вытирал его пальцы платком. Ли Чжуннань опустил голову, и свет падал на него так, что тени от его длинных ресниц были особенно заметны, и он что-то бормотал:

— ...ведь сейчас осень, у тебя есть старые болезни, нельзя допустить, чтобы холод проник в твоё тело, боль в костях может быть смертельной...

— Мм, — Сяо Чжоухэн кивнул, пошевелил пальцами и переплел их с пальцами Ли Чжуннаня. Сяо Чжоухэн слегка поднял голову, глядя на спокойное, словно из нефрита, лицо и изящную, словно у странствующего рыцаря, фигуру Ли Чжуннаня, и, естественно поймав радость в его взгляде, потянул его ближе к себе; затем поспешно прикоснулся к его губам, отпустил его руку и переместил ладони к ушам Ли Чжуннаня, целуя его.

Так что, Сяо Чжоухэн, такого замечательного Ли Чжуннаня больше нельзя оставлять одного в этом мире.

Он — мой понимающий божественный покровитель, а я — его восхитительная земная красота. Наши чувства сплетаются, и только небо знает, как долго это продлится.

Затем, используя адрес, полученный от Хуапин, они отправились искать двух слуг, сломавших ногу. Одного звали Чжан Бао, другого — Чжао Ху. Оба жили в переулке Тяньцзы в городе Тяньнин.

Они раньше не бывали в Чанчжоу, поэтому не знали этих мест. С трудом найдя переулок Тяньцзы, они сели за уличный прилавок в начале переулочка, заказали несколько закусок и решили отдохнуть. Когда хозяин принёс еду, Ли Чжуннань спросил:

— Могу ли я спросить вас об одном человеке?

— Конечно, конечно, господин, что вы хотите узнать?

— В этом переулочке живут двое мужчин, Чжан Бао и Чжао Ху.

Не успел Ли Чжуннань закончить, как раздался грохот — чернолицый мужчина с костылём

опрокинул стол перед собой. Он тяжело дышал, но не говорил ни слова, только с подозрением смотрел на Ли и Сяо.

Хозяин лавки, немного ошарашенный, тут же сказал:

— Это... Чжан Бао.

Такое поведение вызвало ещё больше подозрений у Ли и Сяо. Когда Чжан Бао слегка сдвинулся, Ли Чжуннань встал, чтобы схватить его, но мужчина, несмотря на травму ноги, был довольно ловким: уклонился, затем лёг на землю, бросил костыль и, перекатившись несколько раз, схватился за сухие лозы на улице и перелез через стену, сбежав.

[Примечание автора: Врата Яньюэ — школа, где находится Нефритовый Целитель Цзяншань Ли Сяньгуй (его отправили туда в детстве Ли Яньцин, впервые упоминается в четвёртой главе). Подробнее см. в моей работе «Синий дракон».]

<http://bllate.org/book/16134/1444716>